

раскрыли всю сущность политики грузинизации Абхазии при Сталине и Берии и современной ситуации в ней. Именно тогда люди услышали правду об Абхазии, о которой раньше принято было молчать.

Незадолго до Отечественной войны народа Абхазии, длившуюся 413 дней с 14 августа 1992 года по 30 сентября 1993 года, печать, радио и телевидение Грузии провоцировали абхазов, заявляя, что они «гости» на грузинской земле. Грузинская историография с особым усилием выдавала желаемое за действительное и «битва» между абхазскими и грузинскими учеными перерастала в настоящую войну. И после войны грузинская сторона не собиралась принимать поражение, продолжая настаивать на своей «правде».

Сейчас идет уже 2021 год. Со дня окончания войны прошло 28 лет, со дня международного признания – 13 лет. А мы, граждане суверенного государства, уже давным-давно доказавшие всем вокруг свою независимость, вынуждены защищать свою честь. Являясь одним из древнейших народов Кавказа, со своей самобытной и уникальной историей, со своими традициями, обычаями и нормами, мы не можем и не хотим соглашаться с ложью и провокацией.

Информационная война против Абхазии набирает обороты и становится массовой. На просторах интернета появляются все больше и больше статей, записей и постов с теми же заголовками, что и раньше. С таким положением дел нельзя мириться, но нужно бороться, ведь информационная война может перейти в горячую фазу войны.

1. Конституция Республики Абхазия. Сухум, 1994.
2. Анчабадзе Г. З. Изучение вопросов этнической истории абхазов на фоне грузино-абхазского конфликта. 2000.
3. Анчабадзе Г. З. Изучение вопросов этнической истории абхазов на фоне грузино-абхазского конфликта. 2000.
4. Салакая С. Ш. История и историография Абхазии. 2018.

Малхозова Ю. Д.

Научный руководитель доц. Величко Л. Н.

ГИ СКФУ, г. Ставрополь

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ КАК ЧАСТЬ ГИБРИДНЫХ КОНФЛИКТОВ (НА ПРИМЕРЕ ЙЕМЕНА)

Под понятием «гибридного конфликта» обычно подразумевает конфликт, который охватывает как элементы межгосударственного конфликта, так и негосударственные субъекты международных

отношений. Дело в том, что соответствующей терминологии для определения понятия «гибридный конфликт» не существует. Эксперты в области международных конфликтов считают, конфликты, которые попадают под понятие «гибридных» и предполагают их прохождение, нельзя в полной степени назвать новыми, и они не выходят за рамки основных определений Международного Гуманитарного права¹. Гибридная операция предполагает реализацию комплекса угроз разного типа: дипломатических, военных, экономических, информационно-технологических. А с помощью определенных адаптивных технологий – потенциальные факторы войны превращаются в реальные. Таким образом, гибридная война представляет собой интегратор гибридных угроз, которые отличаются от традиционных угроз уникальным сочетанием регулярных и иррегулярных возможностей.

Впервые термин стал использоваться в американской военно-политической среде, одним из его авторов является бывший офицер морской пехоты, сейчас теоретик в области вооруженных конфликтов Фрэнк Хоффман. По его словам, военные угрозы будущего могут в широком смысле быть охарактеризованы как гибридное сочетание традиционных и нерегулярных тактик, то есть, с участием негосударственных акторов с использованием одновременно простых и сложных технологий². Появление термина связано с анализом Второй ливанской войны (июль–август 2006 г.), в ходе которой произошло столкновение между Израилем, с одной стороны, и радикальной шиитской группировкой «Хизбалла» (фактически полностью контролировавшей южные районы в Ливане) – с другой. Наряду с «Хизбаллой», по мнению родоначальников концепции, гибридные методы использовали также повстанцы в Ираке, организовывавшие атаки на американские оккупационные силы (против США выступали одновременно шиитские и суннитские вооружённые формирования, а также бывшие баасисты, в свою очередь непрерывные провокации устраивала и «Аль-Каида»).

Свою лепту в разработку концепта гибридности внес и анализ деятельности на территории США транснациональных преступных организаций, подпитываемых мигрантами из слаборазвитых регионов, в частности из Центральной Америки. Упоминание Фрэнком Хоффманом талибов относит к событиям в Афганистане и соответствующему опыту, полученному США в этой стране, начиная с 1979 г. Он же анализирует проблему нарко-войны в Мексике (в которой с

2006 г. погибло более 50 тыс. чел.), напрямую связанной с внутренней борьбой за сферы влияния между наркокартелями, отягощённой коррупцией в правоохранительных органах и внешним вмешательством (со стороны США)³.

В термине «гибридный конфликт» может сочетаться целый ряд различных факторов и тем, некоторые из которых более новые, чем другие. Некоторые эксперты используют этот термин для описания смешанных конфликтов, в которых участвуют как государственные, так и негосударственные субъекты. Например, и в Йемене, и в Сирии в настоящее время задействованы суб-государственные субъекты, но они также включают вмешательство иностранных правительств. В этих конфликтах, по факту, нет ничего нового. Страны долгое время вмешивались в дела соседних проблемных государств, тем самым создавая конфронтацию между партиями и правительствами разных государств⁴.

Гибридная война стала одной из самых важных угроз международной безопасности XXI века. В отличие от обычных войн, гибридные формы не относятся к активным, декларативным или открытым конфликтам, или войнам. Они обозначают продолжающиеся, развивающиеся и усложненные аспекты современной войны, в которой как государственные, так и негосударственные субъекты международных отношений используют социальную инфраструктуру, которая находится в основе повседневной жизни. Конфликт больше не рассматривается в географическом плане, и население больше не является очевидными участниками таких конфликтов, они становятся территорией. Но, несмотря на то, что нет общепризнанных границ гибридной войны, среди применяемых комплексных мер можно выделить: распространение дезинформации и враждебной пропаганды, с намерением повлиять на демократические процессы, шпионаж, кибернетические атаки и финансирование негосударственных субъектов, желающих продвигать интересы агрессоров.

Вопросы, связанные с религией, в значительной степени влияют на динамику конфликтов как на Ближнем Востоке, так и во всем мире. Религиозные институты обычно способствуют беспорядкам, когда конфликт вызван религиозными соображениями, и избегают этого, когда религия не играет важной роли в конкретном конфликте. Межконфессиональные конфликты на Ближнем Востоке можно рассматривать как часть теории Хоффмана о гибридных конфликтах. То есть, конфликты могут быть мульти-модальными (т. е. вестись различными способами) и мульти-узловыми (т. е. проводить их могут как государства, так и различные негосударственные акторы)⁵.

Существует большая вероятность образования новых государств на территории Республики Йемен, в силу проблем, способных расколоть и разделить страну. Внутриполитические, межконфессиональные и клановые проблемы Йеменского государства, стали причиной смены власти в стране с началом «арабской весны», хотя и не по самому жесткому сценарию. Ведь, ещё до «арабской весны» Йеменская Республика пережила несколько военных катаклизмов, которые подорвали политическую систему страны. Прежде всего, две гражданские войны: Война 1994 года между Севером и Югом, и конфликт 2004–2010 гг. между правительством и хуситами (известными как «Ансар Аллах» с 2013 года). Движение хуситов (шиты-зейдиты, названы так по имени их бывшего лидера Хусейна аль-Хуси) и их политическое крыло «Ансар Аллах» возникли в середине 1990-х годов прошлого века, подняли восстание в стране 2004 году. Уже тогда в адрес шиитского Ирана периодически раздавались обвинения в их поддержке. После войны, хуситы во главе с аль-Хуси, получили поддержку от шиитского меньшинства страны. Именно этот конфликт создал почву для конфликта идентичности среди населения на религиозной почве между хуситами и правительством страны. Некоторые конфессиональные аспекты конфликта в Йемене непременно можно связать с тем, что эксперты называют «большой суннитско-шиитской войной», где одну сторону поддерживает Иран, а другую – Саудовская Аравия.

Зейдитов традиционно относят к шиитам, но несмотря на это, их учение намного ближе к суннизму, их позиция более лояльна к этому течению ислама. В противоположность остальным шиитам зейдиты не признают учения о «скрытом» имаме, о «благоразумном сокрытии» своей веры (такийя). Они отрицают наличие особой божественной благодати, осеняющей дух имама. В Йемене вплоть до начала XXI века между шиитами-зейдитами и суннитами-шафиитами, составляющими 55 % населения страны, не возникало никаких существенных проблем. Хуситы – жители северной провинции Саада, составляли не более 10 % населения страны. На начальном этапе конфликте их требования носили не политический, а экономический и культурный характер. В 1990 году была создана зейдитская «Хизб аль-хакк» («Партия истины»). Основными требованиями были признание культурной идентичности шиитов Саады и прекращение ваххабитской экспансии в регионе, а также развитие экономики и повышение жизненного уровня провинции. Начиная

с 1970 года провинция Саада была наименее экономически развитым и наиболее депрессивным регионом Йемена, куда практически не поступало правительственное финансирование.

То есть, зейдиты заняли некую среднюю позицию между шиитами и суннитами, что всегда играло свою положительную роль в их взаимоотношениях как с шиитами, так и с суннитами. В какой-то степени, вопросы власти лежат в основе разногласий, и они возможно более острые чем вопросы теологии. Идеология зейдитов не является сектантской, зейдиты не выходят за рамки дозволенного, в том числе потому, что во многих вопросах они крайне близки именно к суннитским убеждениям. Одной из исторических особенностей зейдитов является то, что они сумели образовать несколько собственных государств, одно из которых как раз и находилось в районе современного Йемена. В настоящее время большинство зейдитов проживает именно в этой стране, хотя их общины существуют как в Саудовской Аравии, так и в других государствах⁶.

В связи с клановой ситуацией в стране чрезвычайно актуальным представляется выяснение причин йеменского конфликта, не поддающегося урегулированию с 2014 года. Отыскав причины йеменской сложной клановой ситуации, можно более эффективно заняться поисками способов ее завершения. Отличительной чертой йеменского социума является его племенной характер. Российский востоковед И. П. Сенченко пишет: «Как и прежде, фундаментом жизни йеменцы считают принадлежность к тому или иному племени. В понимании большинства йеменцев любой из них – человек свободный, с рождения и до смерти, от всех и вся, но только не от своего племени. Человек вне племени, вне его защиты и покровительства – это хали, то есть изгой, человек, лишенный своих корней и даир (мест традиционного обитания), остающийся один на один со всеми невзгодами и перипетиями жизни»⁷. В настоящее время в Йемене насчитывается 167 племен. Большинство из них объединены в две федерации племен: Хашед (бану-хашед), распространенную преимущественно на севере, и Бакиль (бану-бакиль) на юге страны. Около 40 % населения, в основном представители федерации племен Хашед, исповедуют шиитский ислам зейдитского толка. Остальные являются суннитами-шафиитами. При этом зейдиты вовсе не являются угнетаемой и дискриминируемой группой населения в Йемене. Зейдитами были все главы государства (Имамата) Хамид ад-динов, утвердившегося в XVII веке и просуществовавшего до 1962 года, и большинство президентов Йеменской Арабской Республики (ЙАР), в том числе Али Абдалла Салех (1978–2011 годы).

Также, конфликт коренится в провале политического перехода, который должен был принести стабильность в государство Йемен после восстания Арабской весны, вынудившего его давнего авторитарного президента Али Абдаллу Салеха передать власть своему заместителю Мансуру Хади в 2011 году.

В 1990 году, когда независимые государства Северного и Южного Йемена были объединены в Йеменскую Республику в рамках плюралистической политической системы, был создан ряд сектантских и конфессиональных партий, несмотря на положения Конституции и закона «О политических партиях», которые запрещали создание любой политической партии на сектантской или региональной основе.

Изначально, движение хуситов сформировалось в результате локального конфликта с Центром Дар аль-Хадис (Суннитский Религиозный Институт)⁸, созданном в начале 1980-х годов в Даммадже, деревне в провинции Саада, населенной в основном зейдитами. Центр продвигал православную версию суннитского ислама, известную как салафизм, и получил поддержку от Саудовской Аравии. Салафиты и хуситы демонизировали друг друга и часто вступали в стычки. Когда в начале 2000-х годов между хуситами и йеменским правительством вспыхнула война, салафиты Даммаджа, встали на сторону государства. В начале 2014 года, после прихода к власти в стране, хуситы расправились со своими старыми врагами в Даммадже, обвинив их в поддержке «Аль-Каиды» и в том, что они являются идеологическим инкубатором саудовского терроризма. Не сумев удержать свои позиции против хуситов, салафиты Даммаджа были разбиты и бежали на юг.

Радикальные религиозные группы, такие как хуситы и салафиты, всегда относились друг к другу с узкой сектантской точки зрения, но раньше это был конфликт, далекий от внимания общественности, и крайняя сектантская риторика ограничивалась закрытыми кругами. Когда после 2011 года в Йемене началась гражданская война, ситуация начала меняться. Внутри-религиозный дискурс рассматривался как новый и эффективный способ привлечь больше бойцов в ряды обеих сторон. В этой атмосфере межконфессиональной поляризации все большее влияние приобрели радикально настроенные группы, которые прежде были маргинализированы. После того, как вытесненные из Даммаджа салафиты начали возвращаться в свои родные места в суннитских районах Йемена, они помогли распространить свою сектантскую характеристику конфликта среди йеменцев, уже критикующих хуситов. Многие из них присоединились к вооруженным группировкам против хуситов или создали их для борьбы с «Аль-Каидой».

Многие простые йеменцы были разочарованы результатами «арабской весны», и в том числе сунниты поддержали хуситов, что привело к захвату повстанцами-хуситами столицы Саны в 2014-нач. 2015 гг. Хуситы и силы безопасности, лояльные Салеху, который, как считалось, поддерживал своих бывших врагов в попытке вернуть себе власть, затем попытались взять под контроль всю страну, вынудив президента Хади бежать за границу⁹.

Действительно, у хуситов была поддержка со стороны их бывшего противника, экс-президента Йемена Али Абдаллы Салеха. Причиной такого союза могло стать желание бывшего президента вернуть себе власть при любых условиях. В начале военных действий представители йеменской армии, верные Салеху, помогали хуситам, сбывали хуситским отрядам оружие с армейских складов. Эр-Рияд опасался, что Иран станет помогать коалиции хуситы-Салех, осенью 2016 года, когда начался обстрел саудовской территории баллистическими ракетами с позиций хуситов. 3 сентября 2016 года пресс-секретарь коалиции государств ССАГПЗ саудовский генерал Ахмед аль-Асири объявил о ракетных обстрелах пограничных саудовских провинций коалицией «Салех-хуситы». При этом саудовский генерал настаивал на том, что это были ракеты «Баркан-1», произведенные в Иране. Позже эти обстрелы стали регулярно повторяться. Так, в марте 2017 года подобными ракетами был обстрелян саудовский город Джидда, а 4 ноября 2017 года одна из таких ракет была сбита системой противоракетной обороны КСА около международного аэропорта Эр-Рияда. При этом до сих пор существуют различные версии происхождения этих ракет. Некоторые эксперты действительно убеждены в том, что это иранские ракеты, доставленные в Йемен через порты на Красном море или через территорию Омана. Другие же уверены в том, что это остатки запасов вооружений (в том числе российского производства), хранившихся на складах йеменской армии Салеха.

Союз между хуситами и Али Абдаллой Салехом распался в ноябре 2017 года после смертельных столкновений за контроль над самой большой мечетью Саны. Боевики-хуситы начали операцию по взятию столицы под полный контроль, и Салех был убит¹⁰.

Встревоженные подъемом группировки, которую, как они полагали, поддерживала в военном отношении региональная шиитская сила Ирана, Саудовская Аравия и восемь других преимущественно суннитских арабских государств продолжали воздушную кампанию, направленную на разгром хуситов и прекращение иранского

влияния в Йемене. Коалиция получала материально-техническую и разведывательную поддержку от США, Великобритании и Франции. Хуситы не были вытеснены из Саны и северо-западного Йемена. Они держали осаду и наносили удары баллистическими ракетами и беспилотниками по Саудовской Аравии. В сентябре 2019 года восточные нефтяные месторождения Саудовской Аравии «Абкаик» и «Хураис» были атакованы с воздуха, что привело к срыву почти половины добычи нефти в королевстве, что составляет около 5 % мировой добычи нефти. Хуситы взяли на себя ответственность, но Саудовская Аравия и США обвинили Иран в совершении терактов.

У лидеров Саудовской Аравии были опасения, что в случае победы в Йемене шиитского движения хуситов может начаться иранская экспансия. Но степень влияния Ирана на хуситов Йемена была переоценена. До 1990-х годов Иран, несмотря на официальный курс на экспорт исламской революции, не поддерживал никаких отношений с шиитами Йемена. Хусейн Бадреддин аль-Хоуси стал первым зейдитским лидером, который наладил культурные отношения с ИРИ и стал направлять в Кум студентов из Йемена. В то же время Тегеран избегал оказывать хуситам вооруженную поддержку, по умолчанию считая Йемен зоной влияния Саудовской Аравии. Однако с началом открытого вооруженного конфликта иранцы воспользовались им для того, чтобы нанести ущерб геополитическим позициям Саудовской Аравии.

В июне 2018 года коалиция попыталась выйти из тупика на поле боя, началось крупное наступление у города Худайда на Красном море, порт которого является главным спасательным кругом для почти двух третей населения Йемена. ООН предупредила, что разрушение порта станет переломным моментом, после которого будет невозможно предотвратить массовые человеческие жертвы из-за голода. После шести месяцев боевых действий противоборствующие стороны договорились о прекращении огня на переговорах в Швеции. Стокгольмское соглашение¹¹ требовало от хуситов передислоцировать свои силы из Худайды, создать механизм обмена пленными и урегулировать ситуацию.

В ООН надеялись, что соглашение расчистит путь для политического урегулирования, чтобы положить конец гражданской войне, но в январе 2020 года произошла внезапная эскалация боевых действий между хуситами и коалиционными силами, с боями на нескольких фронтах, ракетными ударами и воздушными налетами.

В апреле 2020 года мирное соглашение было нарушено. В том же месяце Саудовская Аравия объявила об одностороннем прекращении огня из-за пандемии коронавируса, но хуситы отвергли его, потребовав снятия воздушной и морской блокады Саны и Худайды.

В 2020 году, за хуситами стоят победы при Хазме, в провинции Аль-Джавф, в Аль-Байде и в Марибе. Наступление на Марию началось в апреле 2020 г., продолжается до сих пор и остается центральным элементом текущего этапа Йеменской войны. Внутренние противоречия саудовской коалиции и тупиковая ситуация с дипломатическим урегулированием создают благоприятные возможности для «Ансар Аллаха» продолжать добиваться победы военным путем.

Можно сказать, что Йемен переживает самый тяжелый в мире гуманитарный кризис. Базирующийся в США проект данных о местоположении и событиях вооруженных конфликтов (ACLED), на март 2020 г., зафиксировал более 100 тыс. погибших, в том числе 12 тыс. гражданских лиц, убитых в результате прямых нападений¹².

Около 80% населения – 24 млн человек – нуждаются в гуманитарной помощи и защите. Почти 10 млн из них считаются «в шаге от голода». 2 млн детей остро недоедают, в том числе почти 360 тыс. детей в возрасте до пяти лет, которые борются за выживание. При полном функционировании только половины из 3500 медицинских учреждений страны почти 20 млн человек не имеют доступа к адекватному медицинскому обслуживанию. И почти 18 млн не имеют достаточного количества чистой воды или доступа к санитарии. Медики пытаются справиться с крупнейшей вспышкой холеры, когда-либо зарегистрированной, которая привела к более чем 2,2 млн предполагаемых случаев заболевания и 3895 связанным с ними смертям с октября 2016 года.

ООН предупредила, что число погибших от пандемии коронавируса может «превысить совокупное число жертв войны, болезней и голода за последние пять лет». Также, ООН регулярно обращается с просьбой о финансовой помощи к мировой общественности, так как ее операции в стране, включая жизненно важные медицинские услуги, серьезно недофинансируются¹³. В результате войны более 3,65 миллиона человек были вынуждены покинуть свои дома.

Таким образом, межконфессиональный конфликт в Йемене обнажил все темные внутренности политических партий, превратив их в ополчения, воюющие друг против друга, а не за политические перемены. К причинам восстания шиитов-хуситов против властей можно

отнести дискриминацию представителей этой группы, социально-экономический кризис. Религиозным фактором противостояния являлось, то что неприятие хуситами салафитского прозелитизма и пропаганды. В стране увеличились иранские позиции по склонению части зейдитской общины в сторону Тегерана. В случае продолжения военных действий возможен разделения страны на суннитский Юг и условно шиитский Север. Урегулирование конфессиональных противоречий, может стать одним шагом к тому, чтобы положить конец гражданскому конфликту в Йемене. Тот факт, что суннитско-шиитское разделение не имеет глубоких исторических корней в Йемене, не означает, что оно не может провоцировать дальнейший конфликт в будущем.

1. What Is Hybrid Conflict? [Электронный ресурс] URL: <https://www.lawfareblog.com/what-hybrid-conflict> (Дата обращения: 20.03.2021).
2. Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars [Электронный ресурс] URL: https://potomacinstitute.org/images/stories/publications/potomac_hybridwar_0108.pdf (Дата обращения: 20.03.2021).
3. Бартош А. А. Гибридные угрозы Запада // Независимое военное обозрение. – 2017. [Электронный ресурс] URL: http://nvo.ng.ru/gpolit/2017-06-02/1_950_hybrid.html (Дата обращения: 20.03.2021).
4. What Is Hybrid Conflict? [Электронный ресурс] URL: <https://www.lawfareblog.com/what-hybrid-conflict> (Дата обращения: 20.03.2021).
5. Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars [Электронный ресурс] URL: https://potomacinstitute.org/images/stories/publications/potomac_hybridwar_0108.pdf (Дата обращения: 20.03.2021).
6. Рябов П. П. «Арабская весна» по-йеменски. М., 2017. С.8-9.
7. Сенченко И.П. Йемен. Земля ушедших в легенды именитых царств и народов Древнего мира. – СПб., 2019. С. 121.
8. Дар аль-Хадис [Электронный ресурс] URL: <http://darulhadis.ws/> (Дата обращения: 23.03.2021).
9. Йеменский тупик: причины, угрозы, сценарии выхода [Электронный ресурс] URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Yemen-Policybrief14-ru.pdf> (Дата обращения: 23.03.2021).
10. «Неожиданная» ссора: в Йемене убит экс-президент Али Абдалла Салех [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20171204/1510184182.html> (Дата обращения: 23.03.2021).
11. Совет Безопасности единогласно поддержал резолюцию о соглашении по Йемену [Электронный ресурс] URL: <https://news.un.org/ru/story/2018/12/1345621> (Дата обращения: 23.03.2021).
12. Over 100,000 Reported Killed in Yemen War [Электронный ресурс] URL: <https://acleddata.com/blog/2019/10/31/press-release-over-100000-reported-killed-in-yemen-war/> (Дата обращения: 23.03.2021).
13. Пандемия COVID-19 для разрушенного войной Йемена – настоящая катастрофа [Электронный ресурс] URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/05/1378812> (Дата обращения: 23.03.2021).